В составе ФЕ *по свету* предлог *по* актуализирует из своего лексического значения семы «направление» и «место». Субстантивный компонент актуализирует из своего лексического значения не только пространственную сему («мир и всё сущее в нём»), но и сему «освещённое место, светлое пространство». Контекст усиливает двойственность значения субстантивного компонента: свет понимается как противоположность тьме. Если учесть, что тьма ассоциируется с небытием, а свет, как её противоположность, ассоциируется с жизнью, бытием, можно сделать вывод, что контекстным значением ФЕ *по свету* является значение «по жизни»: «Он схож с гнездом, *во тьму* его птенцы, / Взмахнув крылом зелёным, мчат *по свету*» (Исаак и Авраам, 45). В стихотворении ФЕ *во тьме* и *по свету* вступают друг с другом в антонимические отношения.

Таким образом, специфика употребления качественно-обстоятельственных фразеологизмов с компонентами *свет* и *тьма* в творчестве Иосифа Бродского заключается в том, что данные фразеологические единицы обладают диффузным значением и совмещают в своей семантической структуре пространственную и временную семы. Рассмотренные фразеологизмы указывают на отражённую в языке взаимосвязь категорий пространства и времени.

Литература

1. Бродский, И. Остановка в пустыне: Стихотворения, поэмы. - СПб.: Азбука-классика, 2006. - 256 с.
2. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / Лексикология и лексикография. Избранные труды. - М.: Наука, 1977. - С. 118-140.
3. Тресиддер, Д. Словарь символов. Пер. с англ. С. Палько - М.: ФАИР-Пресс, 1999. - 442 с.
4. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. - Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. - 144 с.

Summary. The images of «darkness» and «light» play an important role in shaping the ideological and aesthetic content of Joseph Brodsky's poetic album «Stop in the desert». Idioms with the components of «light» and «darkness» possess diffuse meaning and combine spatial and temporal semes in its semantic structure. In the poetry of Brodsky the idioms with the component «darkness» dominate. These idioms indicate the link of the categories of space and time reflected in the language.

Key words: I. Brodsky, literary image, phraseological unit, semantic structure of an idiom, poetic text, semantics.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА НА ОСНОВЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОЙ ПРОЗЕ В.В. НАБОКОВА

Г.Ю. Мальцева
Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
malceva-82@inbox.ru

Исследования в области фразеологии показали, что фразеологизмы нередко являются источником формирования игровой поэтики художественного текста (Земская Е.А., 1983: 213-214). Выступая в этой роли, фразеологические единицы приобретают игровой характер в случае трансформации семантических и структурных признаков.

Разного рода трансформации фразеологических единиц являются одним из инструментов организации игровой поэтики и в художественном дискурсе непревзойденного В.В. Набокова и соотносимы с такими особенностями его творчества как разрушение устоявшегося - образцов, штампов, - неприятие «здравого смысла»,

«наложение узоров». Именно через трансформацию фразеологизмов происходит рождение новых смыслов / оттенков смысла, которые буквально «взрывают» привычное мироощущение, разбавляя так называемые «общие места».

В качестве одного из способов создания игровой поэтики в идиостиле В.Набокова, нами рассмотрена фразеологическая контаминация - «объединение языковых единиц или их частей на основе структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению» (Караулов Ю.Н., 1997: 197). Описаны два структурных типа фразеологической контаминации: наложение и скрещивание. Наложение представляет собой «соединение элементов исходных единиц, имеющих общий формальный компонент или компоненты» (Шамуянова М.Д., 2016: 165). При скрещивании «один из структурных элементов фразеологизма заменяется элементом, входящим в состав другого фразеологизма» (Шамуянова М.Д., 2016: 166).

В современной научной литературе появился такой термин, как фразеологический каламбур (Вакуров В.Н., 1994, Санников В.З., 2002). К одной из разновидностей каламбуров относит фразеологические трансформации и О.А. Корниенко (Корниенко О.А., 2017). На наш взгляд, *каламбур,* под которым понимается «такая фигура речи, которая базируется на нарочитой или невольной двусмысленности, возникающей благодаря использованию в одном контексте разных значений одного слова/групп слов» (Санников В.З., 2002: 508), представляет собой разновидность языковой игры, которая может быть реализована в тексте посредством разного рода трансформаций фразеологических единиц. Фразеологический каламбур строится на столкновении фразеологически связанного и свободного значений, то есть основой игры является многозначность лексических единиц. В.З. Санников определял появление многозначности «не в самом перелицованном тексте (он однозначен!), а из сопоставления этого текста с текстом исходным, разительно отличающимся по смыслу» (Санников В.З., 2002: 508).

Н.Ф. Алефиренко, говоря о фразеологической игре слов, ставит в ее основу «отклонение от языковой нормы, т.е. от узуальной системы правил». Такая аномальность является сознательным выбором автора, вызванным «актуализацией ассоциативного потенциала слова с целью привлечь интерес к предмету мысли или вызвать непосредственную реакцию говорящих» (Алефиренко Н.Ф., 2014: 9).

Художественный дискурс В.В. Набокова исследователи определяют как «мир игровых трансформаций и царство игры» (Рахимкулова Г.Ф., 2003: 257). По словам В.В. Набокова, «^серьезная словесная игра, как я ее понимаю, не имеет ничего общего ни с игрой случая, ни с заурядным стилистическим украшательством» (Набоков В.В., 1975: 243).

Мы рассмотрим два вида реализации языковой игры на основе фразеологической трансформации в прозе русского периода творчества В. Набокова. Отметим, что индивидуально-авторские особенности таких трансформаций в творческом наследии В. Набокова не достаточно изучены и представляют собой материал для серьезного научного исследования.

Языковая игра, основанная на антонимии

Трансформация фразеологического сочетания *сущий ад* в окказиональное сущий рай основана на замене компонента фразеологического сочетания контекстуально противоположным. Кроме того, следует обратить внимание на оксюморонное сочетание (сущий - материальный, земной; рай - нематериален, небесный), которое при такой трансформации возникает:

Они проложили путь в сущий рай осязательных и зрительных откровений (Набоков В.В. 1990, Т.4: 139). В данном случае словосочетание *сущий рай* образовалось путем скрещивания фразеологизмов *сущий ад* и *неземной/вечный/небесный рай.* Игра проявляется в замене одного из компонентов идиомы прямо противоположным, антонимичным: *ад - рай.* Обращая наше внимание на устоявшиеся харак-

теристики ада как *сущего* (существующего), а рая как *неземного (не-сущего)* и переставляя это понимание с ног на голову, автор намекает на возможность обретения рая на земле через зрительные и осязательные впечатления.

На антонимичном замещении построена и другая трансформация: *Пролетарии, разъединяйтесь!* (Набоков В.В., 1990, Т.4: 295). Намеренное искажение советского лозунга одновременно и высмеивает советские идеалистические установки, и утверждает авторскую философию человеческого существования: *«Борьба за существование - какой вздор! Проклятие труда и битв ведет человека к кабану. Мы с тобой часто отмечали маньякальный блеск в глазу у хозяйственной дамы, когда в пищевых и распределительных целях она этим стеклянистым взглядом блуждала по моргу мясной. Пролетарии, разъединяйтесь! Старые книги ошибаются. Мир был создан в день отдыха»* (Набоков В.В., 1990, Т.4: 295).

Считаем, что контекстуальная антонимия прослеживается и в следующем фразеологическом скрещивании: *на потребу души («^ Мартын дивился ночному происшествию, сомневался, было ли оно, и все прочнее продвигал его в ту область, где пускало корни и начинало жить чудесной и самостоятельной жизнью все, что он выбирал из мира на потребу души»* (Набоков В.В., 1990, Т.2: 166). В устойчивом сочетании *на потребу (дня)* происходит замена лексемы *день* на лексему *душа,* которая имеет контекстуально антонимичное значение. *День* в данном контексте означает «временное», «сиюминутное», тогда как *душа* - «вневременное», «вечное». Требовательные души героев Набокова преобразуют земное, временное в бессмертные воспоминания, которые они репрезентируют в синенстетическом преображении, оживляя прошлое.

Фразеологическая замена но основе метафорической синонимии

«_ *Мартын краснел, терялся, собирался пустить свое утлое словцо на волны чужих речей, да так, чтобы оно не опрокинулось сразу^»* (Набоков В.В., 1990, Т.2: 250). *Утлое суденышко/утлый челн* в значении «ненадежный, некрепкий», где существительное челн заменяется «словцом» на основе метафоры *слово - челн* «на волнах чужих речей». В целях создания яркого игрового образа автор буквализирует значение слова *утлый* (некрепкий), а *челн* заменяется *словцом,* отчего возникает образ слова-челна, робко плывущего в волнах чужой уверенной речи. Последующий контекст позволяет читателю визуализировать этот образ.

«Плохо запоминая даты и пренебрегая обобщениями, он жадно выискивал живое, человеческое, принадлежащее к разряду тех изумительных подробностей, которыми грядущие поколения, пожалуй, пресытятся, глядя на старые, *моросящие фильмы* наших времен» (Набоков В.В., 1990, Т.2: 197).

Фразеологическая контаминация *моросящий фильм (моросящий дождь - фильм)* основана на образном сходстве идущего дождя и «штрихов» на старой кинопленке во время просмотра фильма, отчего создается эффект идущего дождя. Таким образом, замена исходного компонента фразеологического сочетания новым на основе их ассоциативного сходства рождает яркую, необычную метафору. Метафора рождается в языковой игре с трансформацией исходного значения фразеологического сочетания.

Трансформации фразеологических сочетаний как один из элементов игровой поэтики позволяют В.В. Набокову разрушать границы обыденного миропонимания, заставляют читателя отказаться от миметического восприятия текста. Установка на «узнавание» сменяется удивлением перед новыми необычными сплетениями словесной ткани, познанием мира в его непредсказуемости.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и языковая игра // Slavica nitriensia. - № 3. - 2014. - С. 5-19.

2. Вакуров, В.Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике / В.Н. Вакуров // Русская речь. - 1994. - № 6. - С. 40-47.

3. Земская, Е.А. Языковая игра / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. - Москва: Наука; Флинта, 1983. - С. 172-214.

4. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Сост., предисл., коммент., подбор илл. Н.Мельникова. — М.: Издательство Независимая Газета, 2002. — 701 с.

5. Набоков, В.В. Собрание сочинений в 4 томах. - М.: Правда, 1990. - 477 с.

6. Рахимкулова, Г.Ф. Олакрез Нарцисса: проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры / Г.Ф. Рахимкулова. - Ростов на Дону: Издательство Ростовского университета, 2003. - 320 с.

7. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. - Москва: Языки славянской культуры, 2002. - 552 с.

8. Шамуянова, М.Д. Прием фразеологической контаминации в прозе В. Набокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2016. - №6(60). - С. 165-167.

Summary. Transformation of philological text is considered as a way of organizing games of poetics in the works of Nabokov. Phraseological transformations based on antonymy and synonymy are highlighted. Transformation of phraseological units allow Nabokov to destroy boarders of ordinary, make readers refuse from mimetic perception of the text.

Key words: language game, V. Nabokov, phraseological transformations, phraseological fusion, phraseological combination, literary discourse, phraseological contamination, word play.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОСТАВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ORDNUNG»

Е.П. Марычева

Россия, г. Владимир, Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
epmarycheva@yandex.ru

Концепт «Ordnung» является составной частью концептосферы германского менталитета. Фразеологические единства в составе этого концепта представлены уже в трудах средневековых писателей, теологов, летописцев, проповедников, далее в трудах немецкой классической философии, произведениях классической немецкой литературы, в произведениях современных немецких писателей, в текстах газет и журналов, в толковых и фразеологических словарях. Весь этот богатый фактический материал представлен на сайте https://www.dwds.de/d(suche), который существует в немецком интернет-пространстве и является результатом научной деятельности такого направления лингвистического исследования, как «Корпусная лингвистика». Целью данной статьи является изучение когнитивных аспектов функционирования фразеологических единиц в составе лингвокультурного концепта «Ordnung».

В своём исследовании мы опирались на определение концепта, данное С.Г. Воркачёвым: «Концепт - это ментальная единица, отмеченная лингвокультурной спецификой и имеющая языковое выражение» и далее «_это шаг в становлении антропоцентричной парадигмы лингвистического знания» (С.Г. Воркачёв, 2001: 68). Следующим основополагающим звеном нашего исследования послужила работа Е.А. Огневой (2007), в которой она предлагает различать когнитивные образования и когнитивные структуры, в рамках которых функционируют когнитивные образования. Когнитивными образованиями являются: концептосфера, концепт, субконцепт, концепт-элемент, компонент смысла.

Когнитивными структурами, в рамках которых функционируют когнитивные образования, являются: мегафрейм (сценарий, сцена), фрейм (сценарий, сцена), субфрейм (сценарий), фрейм (элемент, сценарий, сцена), номинант.